

ФЕДОР АБРАМОВ
МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Рассказ
(фрагмент)

...Ни одного не осталось, все там... А какой лес был! Петя, Ваня, Павел, Егор, Степа... Пять мужиков! Я, бывало, время рожать подходит, не про то думаю, как их всех прокормить да одеть, а про то, как за столом рассадить. Стол-то, вишь, у свекра был небольшой, на себя с хозяйкой да на сына делан, а меня в дом взяли — засыпало ребятами.

Ну, о старших я уж не говорю — тех война съела. На одном году три похоронки получила — вот как по мне война-то прошла. И Егор тоже через войну нарушился — в плену у ерманца был. А Степа-то! Мизинец-то мой желанный! Тот уж на моей совести, того я сама упустила... Вот и не просыхаю. Какой уж — двадцать семь пошел, а я все точу себя, все думаю: ох, кабы спохватилась ты тогда пораньше, Офимья, не куковала бы теперь одна на старости. Ложусь и встаю с тем.

Ты когда из дому-то уехал? До войны еще? В тридцать восьмом? Ну, дак Степу-то ты и не помнишь. Я его в тридцать четвертом на беду родила. Все дети у меня хорошие были — ни на одного не пообижусь, а такого не было. Чистое золото! Сколько ему — девяти годков не было — помер, а мы с девкой не знали дров да воды. Все он. За скамейку станет — самого не видно, только пила зыкает. И за грибами там, за ягодами — не надо посылать, сам бежит...

Вот это-то егово старанье и сбило меня с толку. Я уж тогда на него глаза раскрыла, когда он кровью заходил. Как-то раз вышла утром за хлев — не знаю, из-за чего дома до бела света задержалась, так-то все и на работу и с работы в потемках, ребят в лицо по неделям не видишь — вот как мы в войну-то робыли, — а тут не знаю чего — задержалась. Смотрю — на, господи, снег-то в отхожем месте за хлевом весь в крови, и на бревнах тоже кровь намерзла.

Я в избу:

— Ребята, кто сичас за хлев бегал?

Молчат. И девка молчит, и парень.

— Признавайтесь, говорю, неладно ведь у вас. К дохтуру надо...

Тут Степанушко у меня и повинился: «Я, мама...».

А я уж и сама догадалась, что он. Парень уж когда, с самой осени, не баской с лица. И день в школу ходит да три лежит. А раз прихожу домой — по сено ездил. «Мама, — говорит, — ко мне сегодня птичка прилетала. Я лежу на лавке, а она села на стволочек рамы села, да клювиком в стекло тук-тук, и все смотрит-смотрит мне в глаза. Чего ей от меня надо?»

— То, — говорю, — замерзла она, в тепло просится. Вишь ведь, — говорю, — стужа-то какая — бревна рвет.

А птичка-то, оказывается, не простая — смертная. С предупреждением прилетела: готовься, мол, скоро по твою душеньку прилечу.

В те поры, когда он, Степа-то, про эту птичку рассказывал, я и в ум не взяла: вся устала, примерзла — до птички ли мне? А вот когда я кровь-то за хлевом при белом свете увидела, тут я про птичку вспомнила.

Побежала к бригадиру. Так и так, говорю, Павел Егорович, у меня парень порáто болен — дай лошади в район к дохтурам съездить.

А бригадир, царство ему небесное, — помнишь, наверно, Паху-рожу, — нехороший человечешко был, через каждое слово матюк:

— В лес, в лес, мать-перемать!.. Чтобы через час духу твоего здесь не было!

— Нет, — говорю, — Павел Егорович, кричи — не кричи, а повезу парня в больницу. Ты, говорю, и правов таких не имеешь, чтобы меня задерживать.

Павел Егорович стопал ногами, войной меня гнуть: «Я, что ли, войну выдумал?»

Я пришла домой, плачу.

— Ребята, — говорю, — что мне делать? Бригадир в лес гонит...

А ребята — что! Разве можно в таком деле ребят спрашивать? «Поезжай, мама! Надо помогать братьям». В ту пору у нас еще все живы были: и Петя, и Ваня, и Паша, и Егор.

Ну, поехала. Как не поедешь. Тогда ведь не просто робили — не деньгу в лесу зашибали, а лесную битву с врагом вели. Так у нас про лесозаготовки внушали — и взрослым, и школьникам. Терпите! Поможем нашим сыновьям и братьям на фронте...

Ох, что пережито! ...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Материнское сердце : [рассказ] // Москва. — 1970. — № 9. — С. 120—122